

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/UYRCVA>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУГ И.А. БУНИНА- ПОЭТА В 1895–1900 гг.

© 2023 г. Т.М. Двинятина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 04 февраля 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 10 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-126-147>

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика,
публицистика, переводы (1883–1902 гг.)»*

Аннотация: В статье прослеживается история формирования поэтического круга И.А. Бунина в первые годы его столичной литературной карьеры: от первого приезда в Москву в начале 1895 г. до времени подготовки ключевого в его биографии поэтического сборника «Листопад» (1901). В эти годы сложились отношения Бунина со старшими символистами К.Д. Бальмонтом и В.Я. Брюсовым, состоялись знакомства с А.П. Чеховым и М. Горьким, установились дружеские связи с А.М. Федоровым, А.И. Куприным и участниками Товарищества южнорусских художников (имевшими в том числе литературное влияние на молодого Бунина). К началу 1900-х гг. возникли и впоследствии укрепились связи Бунина с московским Литературным кружком, в который входили поэты и писатели разных направлений, и с объединением «Парнас», с 1899 г. получившим название «Среда» и включавшим в себя поэтов и писателей несимволистской направленности, в ряду которых продолжилась писательская биография Бунина. Особое внимание в статье уделено взаимному влиянию и текстуальным перекличкам между стихотворениями Бунина и поэтов-символистов, которые должны быть учтены при составлении научного комментария в недавно начатом первом Полном собрании сочинений Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, поэзия, литературный процесс конца XIX в., поэтическая традиция, символизм, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина — доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

Для цитирования: Двинятина Т.М. Литературный круг И.А. Бунина-поэта в 1895–1900 гг. // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 126–147.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-126-147>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

LITERARY CIRCLE OF THE POET I.A. BUNIN IN 1895–1900

© 2023, Tatiana M. Dvinyatina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: February 04, 2023

Approved after reviewing: March 10, 2023

Date of publication: September 25, 2023

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347 “Ivan Bunin’s early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902).”

Abstract: This article traces the history of the formation of Ivan Bunin’s poetic circle during the first years of his metropolitan literary career: from his first visit to Moscow in early 1895 to the time when he was preparing his key collection of poems, “Autumn” (1901). Those were the years when Bunin established contacts with the senior symbolists Konstantin Balmont and Valeriy Bryusov, made the acquaintance of Chekhov and Gorky and became friends with Aleksander Fedorov, Aleksander Kuprin and the members of the Fellowship of South Russian Artists, some of whom influenced the young Bunin’s literary work. By the beginning of the 1900s Bunin had formed links which subsequently strengthened with the Moscow Literary Circle, which included poets and writers from various movements, and the “Parnasus” association, which from 1899 was renamed “Wednesday” and included poets and writers of a non-symbolist tendency, among whom Bunin’s literary biography moved forward. Particular attention is paid in the article to the mutual influence between and textual echoes in Bunin’s poems and those of symbolists, which have to be taken into consideration in the scholarly annotations to the recently launched first complete edition of Bunin’s works.

Keywords: Ivan Bunin, poetry, late 19th century literary process, poetic tradition, symbolism, Valery Bryusov, Konstantin Balmont.

Information about the author: Tatiana M. Dvinyatina, DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9772-6910>

E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

For citation: Dvinyatina, T.M. “Literary Circle of the Poet I.A. Bunin in 1895–1900.” *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 126–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-126-147>

В биографии И.А. Бунина 1895 г. стал той чертой, после которой его положение в литературном мире резко изменилось. Стихотворения Бунина появлялись в столичных журналах и раньше: в «Книжках “Недели”» — с сентября 1888 г., в «Северном вестнике» — с 1889 г., в «Наблюдателе» — с 1890 г., в «Мире Божьем» и «Вестнике Европы» — с 1893 г. В редакциях к нему относились как к молодому, подающему надежды провинциальному автору, которого сочли своим долгом поддержать и П.П. Гайдебуров (редактор «Книжек “Недели”»)¹, и А.М. Жемчужников (рекомендовавший Бунина редактору «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичу)², и А.А. Коринфский, откликнувшийся приветливой рецензией уже на первый поэтический сборник Бунина «Стихотворения, 1887–1891» (Орел, 1891)³.

Перелом наступает зимой 1895 г., когда Бунина обуревают волнения, далекие от литературы. В конце января он приезжает в Петербург в тщетной надежде найти там свою возлюбленную В.В. Пашенку, уход которой 4 ноября 1894 г. и спустя много лет тяжело переживался им как «бегство» [20, с. 599]. Но в большом жизненном сюжете Бунина крушение его любви к В.В. Пашенке смыкается с началом его столичной писательской биографии. В Петербурге он встречается с Н.К. Михайловским, несколько раз посещает А.М. Жемчужникова, приходит в редакцию журнала «Новое слово», где разговаривает с А.М. Скабичевским, С.Н. Кривенко и О.Н. Поповой, знакомит-

1 См. письма П.П. Гайдебурова Бунину от 4 и 9 октября 1888 г., приведенные в комментарии к изд.: [22, с. 469–470].

2 См. об этом: [8, с. 152, 155–159, 162–164].

3 Свои впечатления от дебютной книги Бунина критик резюмировал словами: «Поэзия Бунина пока лишена оригинальности, но видно, что молодой поэт стоит на своей дороге [13, с. 403].

ся с А.М. Федоровым, К.Д. Бальмонтом, М.М. Гербановским и завязывает множество других знакомств в литературной среде. Из Петербурга Бунин едет в Москву, там впервые видится с А.А. Коринфским, заведовавшим тогда редакцией журнала «Север», и поэтом-самоучкой С.Д. Дрожжиным, договаривается с О.А. Михайловой о помощи в переводе «Песни о Гайавате», снова (первый раз 4 января 1894 г.) приходит к Л.Н. Толстому в Хамовники. С весны 1895 г. начинаются регулярные публикации Бунина в журналах «Русское богатство» (первая публикация там состоялась еще в 1893 г.), «Труд», «Всемирная иллюстрация», одновременно его стихи и рассказы продолжают печататься в «Орловском вестнике» и «Полтавских губернских ведомостях». Довольно быстро он становится одной из ярких фигур столичной культурной жизни. Это было, писал позже Бунин, «началом новой моей жизни, целых десятилетий ее, связанных с Москвой» [24, с. 363].

С тех пор Бунин ищет уже не столько благосклонных наставников, сколько созвучных ему сверстников, и первым проводником в мир современной поэзии становится для него К.Д. Бальмонт⁴. Они познакомились в конце января – начале февраля 1895 г. в Петербурге и, вероятно, не теряли друг друга из виду весь год. В декабре 1895 г. встретились в Москве, и там Бунин через Бальмонта познакомился с В.Я. Брюсовым. Насколько интенсивным, пестрым и многовекторным был тогда литературный обхват молодых поэтов, говорит последовательность событий тех дней: 12 декабря – первый визит Бальмонта и Бунина к Чехову и знакомство с ним; 13 декабря – первый визит к Брюсову, которого они тогда не застали дома; 14 декабря – видимо, новая встреча, во всяком случае этим днем датирована дарственная надпись Бунина Чехову на оттиске рассказа «На хуторе» [8, с. 210]; 15 декабря – поездка Бунина в Петербург по литературным делам и на свое первое публичное выступление (20 декабря в зале общих собраний Санкт-Петербургского городского кредитного общества с рассказом «На край света»); в конце декабря – Бунин снова в Москве, где он, по собственным словам, опять «тысячу знакомств сделал» [22, с. 214], в частности с Брюсовым, М. Лохвицкой, Ю.И. Айхенвальдом.

4 Бальмонт был старше Бунина на три года, раньше него начал печататься (с 1885 г.) и ко времени их знакомства уже был известен в литературных кругах Петербурга и Москвы. Историко-литературный аспект отношений Бунина и Бальмонта разобран в: [7]; эмигрантский этап их отношений отражен в публикации: [34].

Постепенно из всего многообразия литературных связей стали выделяться те, которые и определяют литературный путь Бунина ближайших лет. Сближение с Бальмонтом и Брюсовым, для которого Бунин уже в пору знакомства «настоящий поэт, хотя и не символист» [24, с. 287], получило новое развитие в 1898–1900 гг. Тогда Бунин, женившись на А.Н. Цакни, большую часть времени стал проводить в Одессе, где жила семья жены, и принимал ближайшее участие в редактировании газеты «Южное обозрение», которой владел его тесть Н.П. Цакни. В этой газете Бунин много печатался сам (главным образом, стихи), к участию в ней он привлек и целый ряд литераторов (А.М. Федорова, Н.Д. Телешова, И.А. Белоусова, С.Д. Махалова), и среди них Бальмонта и Брюсова. Таким образом поверхностное московское знакомство обрело и деловую основу и заставило поэтов более внимательно относиться к творчеству друг друга⁵.

В это время отношения Бунина и Брюсова — это отношения взаимной заинтересованности и зарождающейся дружбы. В течение первой половины 1899 г. они в переписке обсуждают и возможные публикации Брюсова (пока что, по его собственным словам, «в жизнь свою не напечатавше<го> в журналах ни строки»⁶) в «Южном обозрении», и посылку ему только что вышедшего перевода Бунина «Песни о Гайавате» («Хоть Вы и не можете сравнить с подлинником, но думаю, что почувете, чувствуется ли запах первобытных лесов или нет» [22, с. 273]), и общие «надежды на Тихий океан» [22, с. 282]. Брюсов посвятил Бунину цикл «Картинки Крыма и моря», опубликованный среди других его стихов и переводов в «Южном обозрении» (14 февраля 1899 г.) и включенный позже в сборник «Tertia vigilia» (1900)⁷. Посвящение было не только знаком признательности Брюсова Бунину⁸,

5 Далее мы остановимся в основном на конкретных примерах поэтического взаимовлияния Бунина и старших символистов. Подробнее о проблематике творческих связей Бунина с Брюсовым и Бальмонтом см. в: [6, с. 54–77].

6 Цит. по: [33, с. 440] (письмо Брюсова к Бунину от 21 февраля 1899 г.). В предисловии к этой публикации см. подробно об отношениях Бунина и Брюсова и, в частности, о публикациях последнего в «Южном обозрении».

7 В него вошли стихотворения «Волны взбегают и пеняются...», «У перекрестка двух дорог...», «Где подступает к морю сад...», «Звезда затеплилась стыдливо...».

8 При том, что Брюсов считал, что его стихи напечатаны в «Южном обозрении» «варварски» и что эта публикация «только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным», он был благодарен Бунину не только в письмах (о приюте, который Бунин дает его «гонимым стихам», см. в письме Брюсова конца апреля 1899 г.: [33, с. 444]), но даже в своем дневнике: «Что бы там ни было, все же это первые мои стихи, напечатанные не мною самим» [18, с. 74].

но и свидетельством того, что в этих стихах «Брюсов сделал шаг навстречу Бунину и как художник <...> впервые <...> отнесся без предвзятости к природе, к пейзажу, то есть отдался непосредственным впечатлениям действительности помимо всех своих теоретических установок» [33, с. 424]. Бунин ответил посвящением Брюсову стихотворения «В отъезде поле» (1900), в котором частая у Брюсова тема «страсти» была переложена в природный, охотничий план и объединена с ощущением родового «наследья»:

Старых предков я наследье чую,
Зверем в поле осенью ночью.
На заре добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцветшая в неволе,
И хочу я слепо в диком поле
Силу страсти вычерпать до дна! [28, т. 1, с. 197]⁹

Брюсов сторицей отблагодарил Бунина за свои одесские публикации: при его посредничестве и участии Бунин в 1901 г. издаст «Листопад» в московском «Скорпионе», и публика еще долго будет недоумевать, что общего у певца патриархальной России с московскими декадентами. Но отношения между поэтами никогда не были близкими — точнее, не было близким их отношение к поэзии и поэтическому слову.

Характерная история произошла в декабре 1898 г. Тогда, во время своего краткого приезда в Петербург Бунин вместе с Брюсовым и Бальмонтом присутствовал на «пятнице» К.К. Случевского (11 декабря), потом они встречались еще дважды (13 и 14 декабря). Брюсов упоминает в дневнике их споры о поэтическом языке: «Но при всем том Бунин из лучших для меня петербургских <так! — Т.Д.> фигур, он — поэт, хотя и не мудрый» [18, с. 58]. Речь шла тогда о стихах Вл. Гиппиуса «Снова зверь в лесу возникнет, / Птица в чаще леса крикнет...»: «Бунин не признавал, что можно сказать “зверь возникнет”, а я над ним смеялся <...>», — пишет Брюсов.

9 Связанность этой строфы с «брюсовской темой», вероятно, послужила причиной того, что, работая над собранием своих сочинений в 1933–1934 гг., Бунин эту строфу вычеркнул, превратив его тем самым в зарисовку утра перед охотой, см.: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 64 (Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Том 1. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С авт. правкой). Точно так же он убрал «брюсовский» ключ в стихотворении «Мистику» (<январь 1906>), см. ниже.

Иными словами, Бунин настаивал на том, что поэтическое слово должно в любом случае оставаться точным и предметным, — Брюсова же увлекало многообразие смысловых и эмоциональных оттенков. Чуть позже, в трактате «О искусстве» Брюсов писал: «Каждое слово — само по себе и в сочетании — производит определенное впечатление. <...> Впечатления слов могут пересилить значение изображаемого». И далее: «Если художник верно и полно пересказал свою душу, он дорог мне, а его школа, его убеждения и склонности не тревожат меня» [17, с. 24]. Последнее положение Бунин мог бы подтвердить и от своего имени: мистические и эстетические построения символизма не вызывали у него интереса, но лирическую силу поэтов, стремившихся ясно и ярко выразить в стихах свой взгляд на мир, он не оценить не мог.

В конце 1890-х гг. один за другим выходят поэтические сборники Бунина. В августе 1898 г. в серии «Библиотека “Детского чтения”» издается вторая поэтическая книга Бунина «Под открытым небом: Стихотворения». В середине января 1899 г. печатается отдельное издание «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе Бунина (прежде он печатался по частям в «Орловском вестнике»). В апреле 1900 г., и снова в серии «Библиотека “Детского чтения”», выходит следующий сборник «Стихи и рассказы».

Судя по всему, для Брюсова и Бальмонта Бунин принадлежал в те годы к поэтам-импрессионистам, которых они считали своими союзниками. Так, в 1900 г. Бальмонт говорил: «Символическая поэзия неразрывно связана с двумя другими разновидностями современного литературного творчества, известными под названием декадентства и импрессионизма» и, признавая собственную неспособность четко разграничить эти направления, объединял их в главном, утверждая, что «строго говоря, символизм, импрессионизм и декадентство суть не что иное как *психологическая лирика*, меняющаяся в составных частях, но всегда единая в своей сущности» [15, с. 77]. Собственно, то же самое, но позже повторил и Брюсов в статье «Карл V. Диалог о реализме в искусстве» (1906)¹⁰, только в качестве импрессионистов в ней приводились Верлен и Бальмонт, а Бунин небрежно и уничижительно был помещен

10 Один из участников этого претворенного в статью разговора, Издатель, говорит: «Символизм, импрессионизм и декадентство — это, так сказать, психологическая лирика. Эти три течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток» [19, с. 62].

в число тех, кого «истинными поэтами» считать нет смысла¹¹. В июле 1906 г. Бунин опубликовал (в журнале «Русская мысль») стихотворение «Мистикам» (впоследствии заглавие переправлено им на «Мистику»), которое может читаться как ответ на выпад Брюсова: во всяком случае, его последняя строфа служила громким заявлением о расставании с «мистическим бредом»¹². Впрочем, всё это было уже спустя несколько лет после того, как отношения Бунина с Брюсовым расстроились и у поэтов был случай объясниться лично.

Если же абстрагироваться от поэтических споров эпохи и посмотреть на творчество Брюсова и Бунина с типологической точки зрения, то между ними найдется немало общего. Сходным был выбранный обоими поэтами экстенсивный метод, позволяющий лирике развиваться скорее за счет освоения новых тематических сфер, чем за счет интенсивной проработки одних и тех же. Поэтическое мировоззрение (по крайней мере, Бунина) оставалось константным — менялись, главным образом, образно-тематические проекции, в которых оно находило свое выражение. Наиболее очевидным приращением образной системы как Бунина, так и Брюсова стал мир древнего Востока и в целом внимание к экзотическим, дальним и древним цивилизациям и культурам, воспринятыми не только (у Брюсова) и не столько (у Бунина) сквозь призму лирического героя, но и обладающими самостоятельной значимостью — в большей (у Бунина) или меньшей (у Брюсова) степени. Далее, предрасположенность к точной и зримой передаче бытовых де-

11 «Возьмите современную русскую поэзию. Есть ли хоть один талантливый поэт, который не примкнул к нам <символистам>? Или вы считаете Аполлона Коринфского, Ратгауза, Ивана Бунина, Скитальца или Тана в самом деле поэтами?» [19, с. 62] — эта оценка, вложенная Брюсовым в уста Издателя, еще отзовется в рецензии Н. Гумилева на шестой том собрания сочинений Бунина, вышедший в издательстве товарищества «Знание» в 1910 г.

12 Теперь давно мистического храма
Мне жалок темный бред:
Когда идешь над бездной — надо прямо
Смотреть в лазурь и свет.

Заглавие «Мистикам» на «Мистику» Бунин поменял довольно быстро, уже в 1906 г. [26]. Затем и заглавие и последнюю, процитированную здесь, строфу он отбросил, превратив некогда бывшую поэтическую декларацию в лирическое воспоминание о детстве. См.: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 65; РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS. 1066/909 (Бунин И.А. Полное собрание сочинений. Том 3. Пг., 1915; разделенный экземпляр с авторской правкой). Таким образом, актуальный смысл текста сохранился только в его истории.

талей, вписанных в определенную лирическую ситуацию (черта, более свойственная Бунину, но присутствующая и у Брюсова, см. его лирико-описательные сочинения «Замкнутые», «Мир» и др.), приводила к не раз отмечавшейся критикой «описательности», порой затмевающей идейное содержание и снижающей собственно лирическую силу стихов. Если описание предмета или явления переходило в описание его восприятия лирическим героем, то внешняя изобразительность дополнялась и субъективной импрессионистичностью изображения. Основным конструктивным принципом поэзии как Бунина, так и Брюсова оставалась поэтическая тема, ее образное и сюжетное раскрытие, а не, например, звуковые или ритмические элементы. Брюсову, отмечавшему старомодность («ветхозаветность») бунинского стиха, классичность и некоторое однообразие его метрики, приходилось выслушивать подобную критику и в свой адрес (например, от Андрея Белого и В. Ходасевича). Вместе с тем поэтическим текстам и Брюсова, и Бунина были свойственны определенные элементы риторической организации (тяга к формулам, пуантам, афоризмам) и ораторской речи, временами вызывавшие ассоциации с классической одой¹³.

История отношений Бунина с Бальмонтом была значительно длиннее, чем с Брюсовым: они встречались и в эмиграции, но тогда «бальмонтовщина» уже давно была для Бунина синонимом мелодраматизма (см., например: [21, с. 341]). В начале же знакомства «Бальмонт во всей своей молодой наглости» вызывал у Бунина симпатию [20, с. 602]. Насколько внимательно читали друг друга в то время Бунин и Бальмонт, говорят в том числе многочисленные переключки между стихами Бунина рубежа веков и стихами Бальмонта, вошедшими в его сборник «Горящие здания» (1900). Так, финальные строки бунинского стихотворения «Ночная вьюга» (1895) отзываются во втором стихотворении бальмонтовского цикла «В душах есть всё» «Но дикий ужас преступленья...», ср.:

13 Все эти особенности в поэзии Брюсова рассмотрены в специальной литературе, см., например: [9, с. 58, 83–93, 116–124, 134–136].

Бунин	Бальмонт
И на пустынном, на великом	Зачем чудовище — над бездною,
Погосте жизни мировой	И зверь в лесу, и дикий вой?
Кружится Смерть в веселье диком	Зачем миры, с их славой звездною,
И развеивает саван свой! ¹⁴	Несутся в пляске гробовой?

[16, с. 83]

В сборнике «Листопад» и втором томе собрания сочинений, вышедшем в 1903 г. в «Знании» [25], это стихотворение напечатано с посвящением «К.Д. Бальмонту».

Образы Бальмонта напомнят о себе в самых характерных бунинских стихах. Возможно, что и заглавный образ «Листопада» возник не без влияния стихотворения Бальмонта «Заколдованная дева» (1899): в нем Бунин мог уловить то самое движение времени и сменяющие друг друга оттенки безмолвия, которые, будучи расцвечены колористическим убранством, подробнейшими деталями и ритмическими переходами, станут основой его собственной «осенней поэмы». Не будет преувеличением сказать, что и «программный» сонет Бунина «В Альпах» (1901) носит на себе отпечаток сонетов — поэтических деклараций Бальмонта «Проповедникам», «Хвала сонету», «Я не из тех». В патетической речи бунинского Джордано Бруно («Я умираю — ибо так хочу» и т. д., «Джордано Бруно», <1906>) отзываются прощальные слова бальмонтовского скорпиона («Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе» и т. д., «Скорпион», 1899). Нет сомнения, что и «восточные» стихи Бальмонта «Оттуда» (с цитатой из Корана «Я обещаю вам сады...»), «Из Упанишад», «Индийский мудрец», «Молитва вечерняя» учитывались Буниным, когда он писал свои ориентальные стихи¹⁵. И наконец, примечательно, что идущее от Паскаля и Л.Н. Тол-

14 Первая публикация этого стихотворения попала в поле внимания Брюсова, который писал Бальмонту (8 февраля 1898 г.): «В "Мире божьем"» есть стихотворение И. Бунина, — клянусь, — интересное, первое из всех его стихотворений» [32, с. 98]. Возможно, что после письма Брюсова Бальмонт и обратил внимание на это стихотворение.

15 Не говоря уже о более локальных переключках: «Венчание» Бальмонта (1899) — «Эпиграмма» Бунина (1901), «Драгоценные камни» Бальмонта (1899) — «Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...» Бунина (1905), «Скорпион» Бальмонта (1899) — «Змея» Бунина (1905), «Утопленники» Бальмонта (1899) — «С корабля» Бунина (1907). Обращает на себя внимание то, что все стихи Бальмонта — из одного сборника, «Горящие здания» (1900), но какое долгое эхо было у них в стихах Бунина!

стого фундаментальное положение художественного мира Бунина было выражено и Бальмонтом, как утверждение его, Бальмонта, собственного миропонимания:

Жизнь — отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр — повсюду, окружность — нигде <...> [16, с. 182].

Бунин с особым вниманием отнесся к этим строчкам: в его так же, как у Бальмонта, названном стихотворении «Жизнь» («Набегают впотьмах...», <1904–1905>) бальмонтовское «Жизнь — трепетание моря под властью луны...» развернуто в мистерию ночного прибоя. Начало бунинской «Жизни» адресует и к другому стихотворению из того же сборника Бальмонта — «Волна» («Набегают, уходит и снова, светясь, возвращается...»): наподобие набегающей и отступающей волны выстроен и текст Бунина. Трудно представить себе, но и в строчках своего последнего стихотворения «Ночь» (1938; 1952) «Никого в подлунной нет, / Только я да Бог» Бунин вольно или невольно «вспомнил» строки из того же самого сборника Бальмонта: «Мир один, но в этом мире вечно двое: / Он, Недвижный, Он, Нежаждущий — и я» (стихотворение «Как паук в себе рождает паутину...», ср. там же у Бунина «Золотой *недвижный* след»).

В конце 1890-х гг. Бунина, Брюсова и Бальмонта объединяли поиски в литературе своих ровесников и единомышленников, и вышедшим в 1900–1901 гг. сборникам — «Горящие здания» Бальмонта, «Tertia vigilia» Брюсова, «Листопад» Бунина — суждено было сыграть сходные роли в поэтическом становлении их авторов: эти книги стали их своеобразными визитными карточками. И все-таки, несмотря на отдельные — и весьма существенные — переклички, лирическое содержание этих книг было слишком различным, и не пройдет и нескольких лет, как пути их сочинителей резко разойдутся¹⁶.

В то же время из нескольких пересекающихся творческих сообществ постепенно складывается тот литературный круг, в котором Бунин

¹⁶ Из дальнейших «перекрестков» Бунина и Бальмонта надо отметить, что в 1901 г. уже в московском Литературном кружке, где встречались приверженцы самых разных направлений, от философа Л.М. Лопатина до Брюсова, именно Бальмонт познакомит Бунина с Л.И. Рыбаковой, сестрой Г.И. Чулкова, дом которой станет в 1900-е гг. одним из любимых Буниным московских домов, в том числе местом его знакомства и первых встреч с Б.К. Зайцевым (см.: [31, с. 208; 30, с. 33–38]).

до самого отъезда из России будет занимать одно из наиболее видных мест.

Так, в долгую и крепкую дружбу переросло знакомство Бунина с поэтом и прозаиком А.М. Федоровым¹⁷. В «табели о рангах» русской литературы их трудно представить себе рядом, но в той историко-культурной ситуации, которой они оба принадлежали, их близкое общение продолжалось около четверти века¹⁸ и оставило глубокий след не только в творчестве Федорова, но и в творчестве его более именитого друга. Бунин стал часто гостить на даче Федорова в Люстдорфе под Одессой с лета 1896 г. Там он летом 1898 г. впервые встретился с А.И. Куприным и познакомился с жившей неподалеку семьей Цакни. Федорову в «Стихотворениях 1903–1906» (1906 и переизд. 1912) посвящен «Сапсан». Бунину посвящены стихотворения Федорова «Осенний вечер» и «Вечерняя печаль». В поэзии их объединяла и «крымская» тема (см. стихотворения Федорова «Крымские очерки», «В Крыму» (см.: [37, с. 125–126, 136] и др., среди которых, например, «У водопада Учан-Су» [37, с. 130] — ср. «Учан-Су» Бунина), и множество других тем и мотивов, самое приблизительное представление о которых может дать сопоставление заглавий стихотворений, совпадающих когда полностью («Ковыль», «Листопад», «Сумерки», «Туман», причем в трех последних случаях Федоров хронологически опережает Бунина), когда частично («Гефсиманский сад», «Нынче ночью кто-то одинокий...», «В детской», «На весенней заре», цикл «В башкирской степи» у Федорова — «В Гефсиманском саду», «Нынче ночью кто-то долго пел...», «Детская», «По вечерней заре», цикл «В степи» и прочие «степные» стихотворения у Бунина). Вполне возможно, что и цепочка «суточных» стихотворений Бунина, написанных 6–14 августа 1909 г., «Полночь», «Рассвет», «Полдень», «Вечер», возникла как реплика в поэтическом разговоре с Федоровым, которому принадлежат стихотворения «Рассвет», «Полдень», «Вечер»,

17 Александр Митрофанович Федоров (1868–1949) — для Бунина «милий Митрофаныч» (см.: [23, с. 130] и др.) — выпустил с 1894 по 1910 гг. более десяти поэтических книг. В 1911–1913 гг. вышло собрание его сочинений в семи томах, вместе со стихотворениями туда вошли переводы, рассказы, драмы, очерки и романы, последние, по большей части, в нескольких частях: «Наследство», «Степь сказалась», «Земля», «Природа», «Камни» и т. д., — всего Федоров написал их десять.

18 То есть с 1895 г. до эмиграции, где связь Бунина с Федоровым, поселившимся в Софии, стала более пунктирной.

«Ночь», вошедшие в только что упомянутый цикл «В башкирской степи» [36, с. 12–19].

Общими были и зарубежные поэты, которых переводили Бунин и Федоров. При этом если Сенкевича сначала перевел Федоров¹⁹, — бунинская «Вечерняя молитва. Мотив Сенкевича» (строго говоря, не являющаяся переводом, но использующая мотивы рассказа Сенкевича «Идиллия. Лесная картинка») датируется 1895 г., а в переводах из А. Асныка первым скорее был Бунин, то одни и те же стихотворения Лонгфелло («Псалом жизни»), А. Негри²⁰ и Ф. Коппе («Смерть птиц») друзья переводили в 1896–1898 гг. практически синхронно²¹.

Наконец, при непосредственном участии Федорова рождался и развивался интерес Бунина к Ближнему и Дальнему Востоку. Еще в 1895 г. Федоров выпустил свой перевод поэмы английского поэта Эдвина Арнольда «Свет Азии» (1879)²², представлявшей собой «Сказанье о Будде, спасителе мира, / О князе Сиддарте, о том, / Кому на земле и в пространстве эфира / Нет равного светлым умом, / О том, кто учил, всех усердней и ране, / Закону о вечной, блаженной Нирване» (цит. по: [14, с. 1]), — и трудно не увидеть отблеска интереса к этой теме в творчестве Бунина 1910-х гг. В 1903 г. Федоров совершил большое путешествие через Ближний Восток и Суэцкий канал в Индию, Малайзию, Китай и Японию — его впечатления отразились в книге очерков «На Восток» (1904). В 1907 г. Федоров издал книгу сонетов — к концу 1900-х гг. сонет становится наиболее частой у Бунина поэтической формой (см.: [12]). Второе издание «Сонетов» Федорова (1911) имело подзаголовок: «Египет — Палестина — Океан — Индия — Берега — Жизнь и

19 Стихотворение Федорова «Янко-вор. На мотив Г. Сенкевича» вошло в его сборник «Стихотворения», изданный в 1894 г.

20 В бунинском варианте «О, умчи меня ввысь, в беспредельный простор...», у Федорова «О, умчи меня в даль!».

21 Указание на то, что и читали А. Негри Бунин и Федоров вместе, см. в письме Бунина к С.Н. Кашкиной от 6 ноября 1896 г.: «Имя ее я давно знал, но познакомился с ее произв<е-дениями> наст<оящим> образом только нын<ешним> летом, в Одессе, где купил “Tempésta”, а “Fatalité” взял у знакомых и с ними же (я не знаю ит<альянского> языка) прочел оба томика. Я жил тогда верстах в 20 от Од<ессы>, у самого моря, и это море, и дивные стихи совсем очаровали меня...» [22, с. 227].

22 До Федорова и параллельно с его переводом поэмы Э. Арнольда вышли издания, подготовленные А. Анненской (1890, 1893), О. Пассек (1899), И.М. Сабашниковым (И. Юринским; 1891, 1895). См. также работу Н.А. Леопардова «О Будде в поэме Э. Арнольда “Свет Азии”, представленном в образе предвозвещенного Мессии» (Киев, 1892).

смерть». Его «географическая» часть прочерчивала маршрут и бунинских (не завершенных на тот момент) путешествий, и можно не сомневаться, что в своем желании добраться до Японии и вернуться в Москву по железной дороге Бунин укреплялся примером своего друга, так некогда и поступившего. В «восточных» стихах снова обращает на себя внимание совпадение названий у обоих поэтов: «Гробница Рахили», «Египет», «Иерихон», «Иудея»²³, «Иосафатова долина» у Федорова / «Долина Иосафата» у Бунина, — причем, конечно, общих впечатлений, отразившихся в «путевых» стихах двух поэтов, было намного больше этого «заглавного» тождества²⁴.

В 1899 г. Бунин (видимо, тоже при посредничестве Федорова) сближается с участниками одесского «Товарищества южнорусских художников»: Петром Александровичем Нилусом, Евгением Иосифовичем Буковецким и Владимиром Павловичем Куровским²⁵. С ними у него быстро и на всю жизнь устанавливаются отношения мужского дружества и художественного взаимопонимания. П.А. Нилус стал одним из самых внимательных читателей бунинских стихов и едва ли не единственным из ближнего окружения Бунина, от кого тот не раз слышал самую едкую критику, будь то за фактические неточности или композиционные промахи. При этом само собой разумелось, что Бунин — общепризнанный мастер, а Нилус — талантливый дилетант, и Бунин всячески старался помочь Нилусу в редакции и публикации его произведений²⁶. Насколько важен был для Бунина этот союз, гово-

23 У Бунина так («Иудея») назывался цикл стихотворений. Он был опубликован в сборнике товарищества «Знание» (кн. 25, 1908) и включал в себя сонеты «Караван», «Иерихон», «Бедуин».

24 В 1922 г. Бунин напишет еще два стихотворения, названных так же, как сонеты из книги Федорова: «Венеция» и «Сириус» (причем «Венецией» названо и более раннее стихотворение 1913 г., но федоровской «тезке» ближе второе). Подробнее о творческих взаимоотношениях Бунина и Федорова см.: [5; 11].

25 Точности ради надо сказать, что с П.А. Нилусом Бунин познакомился раньше — 31 октября 1898 г. В тот день он вместе с А.М. Федоровым и Нилусом принимал участие в литературно-музыкальном вечере в Одесском литературно-художественном кружке (где читал, между прочим, поэму Э. По «Ворон» и стихотворение П. Верлена «Осенние скрипки») [8, с. 293].

26 См., например, критику бунинских произведений в письмах Нилуса ([23, с. 495; 8, с. 594, 598, 723, 738, 757–759, 771–772]) и свидетельства о помощи Бунина в продвижении рассказов Нилуса в печать [8, с. 549, 569, 583, 588–589, 617, 621–623, 623–635, 637, 646–647, 681, 684, 689–690, 693–698, 727, 733, 736–737, 739, 760, 767–768, 777–779, 787, 807, 810–820, 822, 824, 832, 837, 848–849, 851–853], причем некоторые из них посвящались Бунину [8, с. 593, 704–705, 711], и т. д.

рит тот факт, что это Нилусу в первых публикациях (до переиздания «Стихотворений 1903–1906 гг.» в 1912 г. [25]) было посвящено эмблематическое бунинское «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), а прежде еще и стихотворение «Нет солнца, но светлы пруды...» (1901), имевшее при этом посвящении во втором томе собрания сочинений (1903) [27] и его переиздании в 1909 г. [25] название «Счастье»²⁷.

Одновременно с одесским складывается «московский круг» Бунина.

В Москве зимой 1896–1897 гг. завязывается знакомство Бунина с Н.Д. Телешовым. В скором времени Телешов становится не только литературным соратником Бунина, но и одним из ближайших его друзей. В августе 1897 г. в Москву переезжает и становится фактическим редактором научно-популярного журнала «Вестник воспитания» Ю.А. Бунин. 6 декабря 1897 г., в Николин день, на именины Николая Федоровича Михайлова (номинального редактора журнала) Бунин приводит Телешова (тоже именинника). С тех пор он и завсегдатая «четвергов» Михайлова в Староконюшенном переулке (там же располагалась и редакция)²⁸, и постоянный участник литературного кружка «Парнас» и с 1899 г. получившего название «Среда» (по дню недели, когда происходили собрания в доме Телешова). Среди посетителей «Среды» в разные годы были Л.Н. Андреев, Ю.А. Бунин, В.В. Вересаев, Н.Г. Гарин-Михайловский, А.Е. Грузинский, С. Глаголь (Голоушев), А.М. Горький, Б.К. Зайцев, А.А. Карзинкин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, С.А. Найденов, Скиталец, А.С. Серафимович, А.М. Федоров, А.П. Чехов, Е.Н. Чириков, Ф.И. Шаляпин... В 1900-е гг. и через своих участников, и общими художественными исканиями «Среда» будет тесно связана с горьковским издательством «Знание», где Бунин выпустит тома первого собрания сочинений. В разные годы на собраниях «Среды», по воспоминаниям Телешова, «были читаны <...> чуть не все рассказы и повести Бунина и большинство из его стихотворений» [35, с. 39–40]. Открытая, доброжелательная и дружеская атмосфера «Среды» способствовала развитию таланта Бунина,

27 Всем трем участникам «Товарищества» предстоит сыграть в жизни Бунина важные роли. С Куровским осенью 1900 г. Бунин совершит свое первое европейское путешествие. Вместе с Буковецким (одно время даже в его доме) И.А. и В.Н. Бунины будут переживать события 1918–1920 гг. П.А. Нилус окажется соседом Буниных по дому на ул. Жака Оффенбаха, 1 в Париже. Подробнее см.: [1; 2].

28 Выдержки из воспоминаний Ю.А. Бунина «“Четверги” у Н.Ф. Михайлова» приведены в: [22, с. 570].

который он сам связывал с особым, поэтическим восприятием жизни и который, по крайней мере до середины 1900-х гг., находил выражение прежде всего в его стихотворениях.

Наконец, с апреля 1899 г., после встречи в Ялте, начинается тесное общение Бунина с Чеховым, которого Бунин считал одним «из самых величайших и деликатнейших русских поэтов» [24, с. 186]. С тех пор, приезжая в Крым, он «начал бывать у него <Чехова. — Т.Д.> все чаще и чаще, а потом стал и совсем своим человеком в его доме» [24, с. 183]²⁹. Той же весной 1899 г. Чехов познакомил Бунина с Горьким [24, с. 241–242]. И если отношения с Горьким, пережив в 1900-е – начале 1910-х гг. дружеский и творческий подъем, переродились затем (прежде всего, со стороны Бунина) в безусловное отрицание какой бы то ни было общности, то Чехов навсегда остался для Бунина образцом «художника», воплощением нравственности, человеческого и писательского достоинства (см. стихотворение «Художник», 1908). Для современников близость к Чехову оказалась одной из важных составляющих писательской репутации Бунина. В их личном общении Чехов явился тем «зеркалом», которое помогло Бунину увидеть и лучше узнать самого себя, развить наиболее близкие и дорогие ему качества, превратить их в неотъемлемые черты собственного литературного образа. Воссоздавая спустя полвека в своей последней книге образ Чехова, Бунин акцентировал в нем те черты, которые, по его мнению, были свойственны им обоим. Это и внешнее сходство (легкость движений, стройность, изящество, аккуратность и «педантическая любовь к порядку — наследственная» [24, с. 197]), и особенности характера (среди которых особое место занимает внешняя сдержанность и любовь к шутке), и этапы писательского становления (бедная молодость, вхождение в литературу «с чепухи», воспитанное в себе трудолюбие [24, с. 170–174, 236 и др.]). Как будто отсылая к своей собственной биографии, Бунин отмечает положение Чехова в современной литературе (неучастие в борьбе литературных групп и заслоненность более яркими фигурами), их общее преклонение перед Толстым (равно как и восхищение Мопассаном, Флобером, Лермонтовым) и высмеивание «декадентов» как «извозчиков» и

29 После апреля 1899 г. Бунин был у Чехова в Ялте в апреле–мае 1900 г., январе–феврале, апреле и сентябре 1901 г., апреле 1902 г., несколько дней в конце марта – начале апреля 1903 г. Последние встречи Бунина с Чеховым состоялись в декабре 1903 г. в Москве.

«жуликов» [24, с. 188, 239–240]. Еще важнее было одинаковое отношение к писательскому ремеслу («холодность» за работой, ненависть «к так называемым поэтическим красотам», стремление быть кратким и «точным в каждом своем слове» [24, с. 187, 234, 188]) и обостренное сочетание «восприимчивости и наблюдательности», переходящее в совместное «выдумывание художественных подробностей», доставлявшее обоим особое удовольствие [24, с. 171, 235 и др.]. Наконец, общим, если следовать Бунину, был и сам тип художественного видения и творчества, лирический по своим источникам, ясный, точный и сдержанный по своему выражению. «Еще не скоро разгадают во всей полноте его тонкую и целомудренную поэзию, его силу и нежность» [24, с. 188–189]. Вполне возможно, что, говоря так о Чехове, Бунин имел в виду и самого себя³⁰.

Отношения же Бунина с Горьким, многократно описанные в специальной литературе³¹, оказали, среди прочего, существенное влияние на стратегию бунинских журнальных публикаций. Вскоре после знакомства (в апреле 1899 г. в Ялте) Горький привлек Бунина к сотрудничеству в петербургском журнале «Жизнь», ставшем под руководством В.А. Поссе органом «легального марксизма»³². Именно Горькому будет посвящена «осенняя поэма» «Листопад», ставшая самым известным произведением Бунина-поэта (посвящение снято только в сборнике «Начальная любовь», вышедшем уже в эмиграции, в Праге в 1921 г.). Горькому сразу отправлялись новые произведения, на что тот незамедлительно реагировал, в начале августа 1900 г. писал Бунину: «За стихи, посланные в “Жизнь”, спасибо Вам и от меня, а также и за прозу», — и тут же слал новый запрос: «Где то стихотворение, в котором солнце уподоблено жар-птице? Вы и его в “Жизнь” дайте, пожалуйста!» [29, с. 43]. Речь шла о стихотворении «Из сказки» («Все лес и лес. А день темнеет...»), в составе цикла «Акварели»³³ оно было напечатано в сентябрьском номере журнала «Жизнь». Следующий, октябрьский номер открывался поэмой

30 Среди многочисленных работ, посвященных взаимоотношениям Бунина и Чехова, см. прежде всего обобщающую монографию: [3]. О Чехове как «поэте» для Бунина см. также: [4].

31 См. прежде всего монографию: [10].

32 Подробнее об этом: [10, с. 47–64].

33 В него вошли стихотворения «Из сказки», «На Днепре», «После половодья», «Молодой месяц» (позднее «Новолуние»), «В отъезжем поле», «Закат» («Корабли в багряном зареве заката...»), «В мае».

«Листопад», за ней шли «Антоновские яблоки», в ноябрьском номере — цикл «На морских берегах»³⁴, и т. д.

При этом в одном номере с циклом «Акварели» Бунина была опубликована статья Бальмонта «Избранник Земли (Памяти Гёте)» и его стихотворение «Светлый герой», посвященное Гёте. С этого времени в «Жизни» был напечатан целый ряд стихотворений Бальмонта, и именно тех, которые войдут затем в сборник «Горящие здания» (1900), оставивший, как было показано выше, глубокий отпечаток в поэтических текстах Бунина. Примечательно, что и посвященный Горькому бунинский «Листопад» оказался «встроенным» в ряд уже прежде напечатанных в «Жизни» посвященных Горькому — принадлежащих Бальмонту — стихотворений (см. его стихотворения «Ведьма», «Родник» и «Придорожные травы», опубликованные в «Жизни» в июне 1900 г.)³⁵.

Все эти парадоксальные, на первый взгляд, переключки и связи были на тот момент вполне естественны: ведь между всеми названными художниками существовали тогда отношения взаимной творческой заинтересованности. На фоне контрастных (если смотреть на них ретроспективно) и тем не менее тесных (по крайней мере, в бунинской биографии) литературных и художественных переплетений готовился — в символистском издательстве «Скорпион» — и сборник «Листопад», после выхода которого в январе 1901 г. вся конфигурация поэтического поля вокруг Бунина снова серьезно изменится.

34 «В бурю» (позднее «В заливе»), «Зной».

35 Вообще связи поэзии Бальмонта с творческими устремлениями Горького тех лет были гораздо сильнее, чем кажется из сегодняшнего дня. Достаточно указать на очевидную зависимость образа горьковского буреви́тника (1901) от заглавного образа стихотворения Бальмонта «Альбатрос» («Над пустыней ночью морей альбатрос одинокий, / Разрезая ударами крыльев соленый туман, / Любовался, как царством своим, этой бездной широкой, / И едва колыхаясь, качался под ним океан», 1899). Подробнее см. об этом: [10, с. 84–88]. А кроме того, ср. перевод стихотворения Леконта де Лиля «Альбатрос», выполненный Буниным весной 1895 г., в период активной переписки с Бальмонтом (см.: [8, с. 200–201]).

Список литературы**Исследования**

- 1 *Бажинов И.Д.* Бунин и Нилус // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 424–428.
- 2 *Байцак М.С. И.А. Бунин и Товарищество южнорусских художников (К вопросу о взаимодействии литературы и живописи в культуре Серебряного века) // Омский вестник. 2006. № 7 (43). С. 217–219.*
- 3 *Гейдеко В.А.* А. Чехов и Ив. Бунин. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1987. 372 с.
- 4 *Двинятина Т.М. А.П. Чехов в лирике И.А. Бунина: «художник» и «поэт» // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: сб. ст. и материалов: (Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб.: Петрополис, 2010. С. 452–464.*
- 5 *Двинятина Т.М. И.А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.*
- 6 *Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 437 с.*
- 7 *Куприяновский П.В. Заметки к теме «И. Бунин и К. Бальмонт» // И.А. Бунин в диалоге эпох. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 48–61.*
- 8 *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909 / сост. С.Н. Морозов. 943 с.*
- 9 *Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. 552 с.*
- 10 *Нинов А.А. М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества. Л.: Сов. писатель, 1984. 560 с.*
- 11 *Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 934–952.*
- 12 *Meyer A. Die Sonettichtung Ivan Bunins. Wiesbaden: Harrasowitz, 1990. 328 S. (Opera Slavica. Neue Folge. Bd. 20).*

Источники

- 13 *А. К<оринфск>ий. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Стихотворения, 1887–1891. Орел, 1891] // Всемирная иллюстрация. 1892. Т. XLVII, № 22. С. 402–403.*

- 14 *Арнольд Э.* Свет Азии (Изложение в поэтической форме Буддизма) / пер. А.М. Федорова, с предисл. и примеч. академика С.Ф. Ольденбурга. 2-е изд., ил. СПб.: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1906. XXVI, 188 с.
- 15 *Бальмонт К.Д.* Горные вершины: сб. ст. Кн. первая. М.: Гриф, 1904. 211 с.
- 16 *Бальмонт К.Д.* Горящие здания: Лирика современной души. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1900. 213 с.
- 17 *Брюсов В.* О искусстве. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1899. 31 с.
- 18 *Брюсов В.Я.* Дневники, 1891–1910 / подгот. к печати И.М. Брюсова. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1927. 203 с.
- 19 *Брюсов В.Я.* Карл V. Диалог о реализме в искусстве // Золотое руно. 1906. № 4. С. 61–73.
- 20 *Бунин И.А.* <Автобиографический конспект> / предисл., подгот. текста и примеч. Е.Р. Пономарева // Литературное наследство. М.: Наука, 2022. Т. 100: И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: в 4 кн. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов; ред. Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. С. 591–631.
- 21 *Бунин И.А.* Дневники. 1885–1953 гг. / предисл., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова // Литературное наследство. М.: Наука, 2022. Т. 100: И.А. Бунин. Новые исследования и материалы: в 4 кн. Кн. 2 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов; ред. Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. С. 5–44г.
- 22 *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
- 23 *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 829 с.
- 24 *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967. Т. 9. 622 с.
- 25 *Бунин И.А.* Стихотворения 1903–1906 гг. Манфред Байрона. 2-е изд., доп. М.: Московское книгоизд-во, 1912. 259 с.
- 26 *Бунин И.А.* Стихотворения 1903–1906. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1906. 214 с. (Собр. соч. Т. 3.)
- 27 *Бунин И.А.* Стихотворения. СПб.: Изд-е т-ва «Знание», 1903. 222 с. (Собр. соч. Т. 2.)

- 28 Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. («Новая Библиотека поэта»).
- 29 Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. 483 с.
- 30 Зайцев Б.К. Москва. Мюнхен: Echo Press, 1973. 162 с.
- 31 Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагнус, 2007. 512 с.
- 32 Переписка <В.Я. Брюсова> с К.Д. Бальмонтом. 1894–1918 / вступ. ст. и подгот. текстов А.А. Нинова; коммент. А.А. Нинова и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. С. 30–239.
- 33 Переписка <И.А. Бунина> с В.Я. Брюсовым. 1895–1915 / вступ. ст. и публ. А.А. Нинова // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. С. 421–470.
- 34 Письма К.Д. Бальмонта И.А. Бунину / вступ. заметка Ж. Шерона, публ. и примеч. Р. Дэвиса и Ж. Шерона // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 22–81.
- 35 Телешов Н.Д. Записки писателя: Рассказы о прошлом и воспоминания. М.: Сов. писатель, 1952. 357 с.
- 36 Федоров А.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Н.Н. Клочков, 1911–1913. Т. 4: Мой путь. 220 с.
- 37 Федоров А.М. Стихотворения. М.: И.Г. Советов, 1894. 154 с.

References

- 1 Bazhinov, I.D. “Bunin i Nilus” [“Bunin and Nilus”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 84: Ivan Bunin [Ivan Bunin], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 424–428. (In Russ.)
- 2 Baitsak, M.S. “I.A. Bunin i Tovarishchestvo iuzhnorusskikh khudozhnikov (K voprosu o vzaimodeistvii literatury i zhivopisi v kul'ture Serebriannogo veka)” [“Ivan Bunin and the Partnership of the South-Russian Artists (On the Question of the Interrelation of Literature and Fine Art in the Culture of the Silver Age)”]. *Omskii vestnik*, no. 7 (43), 2006, pp. 217–219. (In Russ.)
- 3 Geideko, V.A. A. *Chekhov i Iv. Bunin* [Anton Chekhov and Ivan Bunin]. 2nd ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 372 p. (In Russ.)

- 4 Dvinyatina, T.M. "A.P. Chekhov v lirike I.A. Bunina: 'khudozhnik' i 'poet'." ["Anton Chekhov in Ivan Bunin's Lyrics: 'The Artist' and 'The Poet'."] *Sud'by literaturny Serebriannogo veka i russkogo zarubezh'ia: Sbornik statei i materialov: (Pamiati L.A. Iezuitovoi: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Fates of Silver Age Literature and Russian Abroad: Collection of Articles and Materials: (In Memory of L.A. Iezuitova: To the 80th Anniversary of Her Birth)]. St. Petersburg, Petrorolis Publ., 2010, pp. 452–464. (In Russ.)
- 5 Dvinyatina, T.M. "I.A. Bunin i A.M. Fedorov: k istorii tvorcheskikh otnoshenii" ["Ivan Bunin and Aleksandr Fyodorov: To the History of Their Artistic Relationship"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2015, pp. 43–50. (In Russ.)
- 6 Dvinyatina, T.M. *Poeziia I.A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiya* [Ivan Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2015. 437 p. (In Russ.)
- 7 Kupriianovskii, P.V. "Zametki k teme 'I. Bunin i K. Bal'mont'." ["Notes on 'Ivan Bunin and Konstantin Balmont'."] *I.A. Bunin v dialoge epokh. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [I.A. Bunin in the Dialogue of the Ages: Collection of Articles]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2002, pp. 48–61. (In Russ.)
- 8 *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [The Chronicle of Ivan Bunin's Life and Works], comp. S.N. Morozov, vol. 1 (1870–1909). Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
- 9 Maksimov, D.E. *Poeziia i proza Al. Bloka* [The Poetry and Prose of Alexander Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 552 p. (In Russ.)
- 10 Ninov, A.A. *M. Gor'kii i I. Bunin. Istoriia otnoshenii. Problemy tvorchestva* [Maxim Gorky and Ivan Bunin. History of Relations. Problems of Creative Works]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 560 p. (In Russ.)
- 11 Shavlinskii, M.S. "'Khram Solntsa' I.A. Bunina – neokonchennyi proekt osvoeniia Vostoka" ["'Temple of the Sun' by Ivan Bunin as an Unfinished Project for the Exploration of the East"]. *Ivan Bunin i ego vremia: konteksty sud'by – istoriia tvorchestva* [Ivan Bunin and His Time: Context of Life – History of Work], ex. eds. and comps. T.M. Dvinyatina and S.N. Morozov, ed. A.V. Bakuntsev and E.R. Ponomarev. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 934–952. (In Russ.)
- 12 Meyer, Andrea. *Die Sonettichtung Ivan Bunins*. Wiesbaden, Harrasowitz, 1990. 328 p. (Opera Slavica: Neue Folge, Bd. 20) (In German)